

ЕВРОПЕЙСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Андрей Щербак

Как происходит изначальный
выбор институтов?
Критика концепции
«случайности развития»
и структурный подход

Препринт М-54/17

**Центр исследований
модернизации**

Санкт-Петербург
2017

УДК 321
ББК 66.3
Щ 61

Щ 61 Щербак А.

Как происходит изначальный выбор институтов? Критика концепции «случайности развития» и структурный подход / Андрей Щербак: Препринт М-54/17. — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. — 40 с. — (Серия препринтов; М-54/17; Центр исследований модернизации).

Данная работа посвящена критике одного из ключевых положений неинституциональной теории — «случайности» изначального институционального выбора. Наиболее последовательно эта идея воплощена в книге Д. Аджемоглу и Д. Робинсона «Почему одни страны богатые, а другие бедные». Согласно этому подходу, выбор институтов происходит под воздействием случайных исторических обстоятельств; построение инклюзивных институтов в Англии с XVII в. — это историческая случайность. Данное положение подвергается критике. Во-первых, я считаю, что модернизация — это синдром. Во-вторых, концепция «случайности» придает слишком много внимания внутриэлитным расколам, но игнорирует микрооснования институционального выбора (модернизации) в европейских обществах в раннее Новое время. Основываясь на большом массиве исторических данных по демографии, экологии, экономике, я показываю, как могут быть связаны структурные условия и модернизация с последующим выбором инклюзивных институтов в Северо-Западной Европе. Обращаясь к «модельному» сравнению Англии и Испании в раннее Новое время, я показываю, что к моменту институционального выбора Англия была намного более развита, чем Испания. В связи с этим некорректно говорить о случайности институционального выбора в Англии. Главный вывод доклада заключается в том, что институты — это не причина, а следствие развития.

Информация об авторе: Щербак Андрей Николаевич — кандидат политических наук, старший научный сотрудник Лаборатории сравнительных социальных исследований НИУ ВШЭ, доцент департамента прикладной политологии НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург.

Введение

Уже более 200 лет исследователи пытаются дать ответ на вопрос о причинах успеха европейской модернизации. В более широком плане это вопрос о причинах и природе развития (экономического, социального, политического). В более узком смысле это вопрос собственно о причинах начала модернизации в Европе: почему она началась и как объяснить ее столь невообразимый успех, особенно на фоне еще недавнего отставания от стран Востока?

Один из наиболее популярных и убедительных ответов дает неоинституциональная теория, которая подчеркивает исключительную важность институтов как устоявшихся правил человеческого поведения. Если излагать кратко, то установление «правильных» институтов («формальных», «сильных», «инклюзивных») поощряет кооперативное, нацеленное на созидание поведение как индивидов, так и сообществ. В более краткой формулировке, институты — это причина развития. Ключевым положением институциональной теории является «эффект колеи» (*path-dependence*), который означает наличие большей инерции в функционировании институтов: будучи один раз установленными, институты и их эффекты почти не изменяемы. Согласно этой логике, развитые страны в какой-то исторический момент приняли «правильные» институты и их развитие пошло по наилучшему сценарию, в то же время другие страны приняли «неправильные» институты, что до сих пор негативно влияет на их развитие. Таким образом, развитость, например, Великобритании в 2000 г. объясняется ее развитостью в 1900 г., при этом она обладала набором

«правильных» институтов как в 1900 г., так и в 2000 г. Наоборот, Гана не развита как сейчас, так и в прошлом ровно по той же причине — «неправильные» институты были как в 2000 г., так и в 1900 г.

В рамках данной теории возникает фундаментальный вопрос: как объяснить причины «правильного» институционального выбора? Иными словами, как, когда и почему одни общества выбирают «правильные» институты, а другие — «неправильные»? Исследователи сходятся только в одном: этот выбор был сделан давно, «в глубине веков», и для его понимания необходим анализ исторического контекста.

В обширной литературе по данному вопросу можно найти разные причины и разные даты данного судьбоносного выбора. Одни указывают на сочетание и последовательность разных факторов — например, выстраивая цепочку событий от наследия Римского права, магдебургского городского права, принятия феодализма, расцвета средиземноморской торговли и Славной революции [Хедлунд 2015]; кто-то выбирает один фактор — скажем, феодальную систему [Blaydes, Chaney 2013]. Иные авторы подчеркивают важность становления городов-государств, развитие коммерческого права, признание прав частной собственности, становление науки [Лал 2007: 92–93]¹. Объяснений исторического толка множество, и в наши задачи не входит их подробный обзор.

В ряду данных объяснений особую роль занимает концепция Д. Аджемоглу и Д. Робинсона [Аджемоглу, Робинсон 2015]. Авторы разделяют институты на *экстрактивные* и *инклюзивные*. Под экстрактивными они понимают такие институты, которые направлены на то, чтобы «выжать максимальный доход из эксплуатации одной части общества и направить его на обогащение другой части» [Там же: 89].

Под инклюзивными они понимают такие институты, которые

разрешают и, более того, стимулируют участие больших групп населения в экономической активности, а это позволяет наилучшим образом использовать их таланты и навыки, при этом оставляя право выбора — где именно работать и что именно покупать — за каждым отдельным человеком. Частью инклюзивных институтов обязательно являются защищенные права частной собственности, беспристрастная система правосудия и равные возможности для участия всех граждан в экономической активности; эти институты должны также обеспечивать свободный вход на рынок для новых компаний и свободный выбор профессии и карьеры для всех граждан [Там же: 87].

¹ Цит. по: [Заостровцев 2012].

Отмечается, что инклюзивные институты должны быть одновременно плюралистичными и централизованными. Аджемоглу и Робинсон объясняют выбор общества в пользу инклюзивных институтов наличием политической конкуренции, своеобразным исходом борьбы различных элитных группировок, закрепившимся балансом сил между разными группами, медленными институциональными изменениями (*institutional drift*) и исторической случайностью. Авторы часто подчеркивают, что изначальный выбор институтов нельзя никак иначе объяснить, как счастливой исторической случайностью. Модельный пример объяснения выбора в пользу инклюзивных институтов — Англия XVI–XVII вв. и США XVII–XVIII вв., а модельный пример институциональной дивергенции — сравнение Англии и Испании в середине XVII в. Общим местом является утверждение, что страны, находящиеся примерно на одинаковом уровне развития, делают случайный институциональный выбор: в пользу укрепления власти парламента и ограничения монархии в Англии и в пользу возвышения абсолютизма и ограничения влияния кортесов в Испании [North 1989]. Эти утверждения довольно часто воспроизводятся и отечественными исследователями².

Возникает парадокс: согласно данной логике, европейская модернизация становится исторической случайностью, удачным сочетанием непредсказуемых исторических обстоятельств. В более детальном приближении модернизация оказывается непреднамеренным исходом внутрианглийских политических «разборок» XVII в.

Мне кажется, что эти объяснения крайне уязвимы как минимум по трем причинам. Во-первых, данный подход объясняет институциональ-

² Наиболее последовательным является экономист Александр Аузан. Например, рассуждая о расхождении Англии и Испании, он пишет: «Причина? Случайность, говорит Норт, точно так же как с QWERTY. По стечению обстоятельств вопрос о налогах в Испании попал к королю, а в Англии — в руки парламента» [Аузан 2015]. В другом тексте: «Оперирова вместо технических решений понятием институтов, он [Норт] предположил, что страны, которые тщетно пытаются выйти на высокую траекторию развития, совершили ошибки первоначального институционального выбора. Доказывал он это на примере Англии и Испании. К XVI веку эти страны находились на абсолютно равных стартовых позициях. Обе были примерно равны по численности населения и структуре занятости, обе осуществляли внешнеполитическую экспансию. Любой макроэкономист сказал бы, что они будут находиться на близких уровнях и через сто лет, и через триста. <...> В чем же дело? Норт показал, что произошедшее — случайность. Просто так сложилось, что в XVI веке в Англии вопрос о распределении налогов попал в сферу компетенции парламента, а в Испании — короля» [Аузан 2013].

ный выбор интересами элит, игнорируя все иные слои общества. Доводя такое объяснение до логического конца, можно сказать, что исход модернизации — это сговор элит. Во-вторых, данная логика отказывается подробно изучать более широкий контекст, в котором могла происходить судьбоносная для всего мира политическая борьба: получается, что историческим ядром модернизации могла бы стать не Западная Европа, а Западная Азия или Западная Африка, если бы внутриэлитный конфликт в соответствующих обществах привел к выбору инклюзивных институтов. В-третьих, история модернизации в данной теоретической модели часто сводится к восхвалению англосаксонского общества без критического сравнения английского пути с другими европейскими странами (интересное сравнение основных траекторий модернизации Германии с разными ведущими европейскими странами можно найти у Коллинза [Коллинз 2015: 259–303]). Фактически история европейской модернизации оказывается историей англосаксонского превосходства, написанной американскими профессорами.

Я считаю, что модернизация — это *синдром* [Инглхарт, Вельцель 2011], которым охвачено все общество. Под понятием «синдром» понимается наличие тесной взаимосвязи между всеми измерениями модернизации. На эмпирическом уровне это означает, что между всеми оценками развития наблюдается устойчивая значимая корреляция. Например, едва ли можно найти общество, которое будет иметь высокий доход, но в то же время низкий уровень урбанизации и грамотности. Как правило, более богатое общество окажется и более урбанизировано, и более грамотно. Самое важное: понимание модернизации как синдрома противоречит тезису о случайности «правильного» институционального выбора. Европейская модернизация³ не случайна; то, что выглядит как случайный выбор, на самом деле имеет свои причины. Не отрицая все ранее существующие объяснения произошедшему институциональному выбору, я считаю, что наше общее понимание причин данного выбора будет более полным, если добавить к нему структурные объяснения. Под последними понимаются в первую очередь особенности географии и вызванные ими демографические, социальные и экономические послед-

³ Далее я буду использовать понятия «выбор в пользу инклюзивных институтов», «развитие», «модернизация» как взаимозаменяемые. Хотя между этими категориями, конечно, есть различия, но в данном контексте — попытке объяснить, почему одни европейские страны стали пионерами развития, а другие не смогли этого сделать, — они не столь важны.

ствия. В качестве эмпирической базы для наших обсуждений я использую имеющиеся базы данных исторических оценок разнообразных социально-экономических, демографических показателей, которые уже созданы к настоящему времени. На мой взгляд, несомненным достоинством предлагаемого объяснения является то, что структурные факторы охватывают *все общество*, а не только узкие элитные группы.

Я формулирую свой главный тезис следующим образом. Выбор «правильных» институтов и переход к модернизации в Северо-Западной Европе был не случаен и обуславливался структурными факторами, которые на протяжении длительного времени благоприятно влияли на развитие.

Структура моей работы выглядит следующим образом. В первой части я более подробно рассматриваю основные положения неинституциональной теории и выделяю те ее элементы, которые, на мой взгляд, заслуживают критики. Вторая часть представляет предлагаемый мной структурный подход для объяснения причин выбора «правильных» институтов в Северо-Западной Европе в раннее Новое время. В третьей части для иллюстрации своего тезиса я сравниваю уровень развития Англии и Испании в раннее Новое время, используя разнообразные исторические оценки по ряду ключевых показателей. Я демонстрирую, что к этому периоду Англия опережала Испанию практически по всем показателям развития, что дает основание считать, что судьбоносный институциональный выбор был совершенно не случаен. В заключении мной предлагаются важные дополнения к неинституциональной теории.

Обзор институциональной теории и ее критика

Институциональная теория по праву является одной из наиболее популярных экономических теорий, объясняющих экономический рост и развитие в долгосрочной исторической перспективе. Ключевыми аргументами институциональной теории можно указать следующие постулаты:

1. Экономическое развитие стран находится под воздействием определенных правил поведения, норм («правил игры»), которые существенным образом влияют на стратегии всех экономических акторов, на их систему стимулов, мотивацию, установки. Эти правила называются институтами; их влияние имеет как краткосрочный, так и долгосрочный характер.

2. Институты бывают разными. Они могут оказывать как положительное влияние на экономическое развитие, так и отрицательное. В первом

случае институты называются сильными, инклюзивными, формальными. Во втором — слабыми, экстрактивными, неформальными (здесь: именно в негативной коннотации)⁴.

3. «Правильные» институты становятся причиной развития в исторической перспективе. Именно выбор в пользу инклюзивных институтов является причиной экономического роста.

4. В обществах существует сильная институциональная инерция, так называемый «эффект колеи» или «зависимость от выбранного пути» (*path dependency*). После того как происходит изначальный институциональный выбор (в пользу сильных или слабых институтов), его крайне сложно изменить.

Ответ институциональной теории на вопрос, почему одни страны бедные, а другие богатые, довольно прост. Бедные страны в свое время выбрали экстрактивные институты, а богатые — инклюзивные. Со временем экстрактивные институты создавали «порочный круг», а инклюзивные — «круг добродетели», поэтому первые страны богатели, а остальные — беднели. Именно экстрактивные (экономические) институты поощряют рентоориентированное поведение, коррупцию, хищническое отношение к ресурсам и населению, в то же время оказывая губительный эффект на развитие инноваций, креативность, конкуренцию, предпринимательство, доступ широких слоев населения к кредиту. В этом им способствуют экстрактивные политические институты, которые концентрируют власть в руках элиты и не ограничивают ее в том, как и на что эта власть может употребляться. В свою очередь, элита конструирует экстрактивные институты, которые позволяют ей эксплуатировать остальное население. В итоге она заинтересована в сохранении губительного для общества статус-кво: доступ к экономическим ресурсам монополизирован, «созидательное разрушение» всячески избегается, эксплуатация широких слоев населения считается нормой, права собственности и верховенство права сильно ограничены. Экстрактивные институты гарантируют элитам их экономический и политический статус в ущерб экономическому развитию всего общества [Аджемоглу, Робинсон 2015].

Несомненное достоинство институциональной теории в том, что она показывает, как происходит зависимость от пути развития. Конго отличается от Англии и 100 лет назад, и 50 лет назад, и 10 лет назад. Но Конго не догоняет Англию — наоборот, разрыв сильно растет. То же можно сказать

⁴ Далее я буду следовать терминологии Аджемоглу и Робинсона: все «правильные» институты называть инклюзивными, а «неправильные» — экстрактивными.

и о других странах — разрыв между ведущими и развивающимися государствами увеличивается. Почему? Все дело в качестве работы институтов: при экстрактивных институтах не происходит накопления инвестиций, отсутствуют стимулы для продуктивной экономической деятельности (развитие технологий, науки, вложения в образование, накопление сбережений), особенно в долгосрочной перспективе. Кроме того, влиятельные элитные группы блокируют переход к инклюзивным институтам. Развитие (часто через «созидательное разрушение») возможно только при инклюзивных институтах.

Мало кто из экономистов сомневается, что экономический рост связан с качеством институтов. Равно как верно и то, что основные достижения институциональной теории были взяты на вооружение экономическими консультантами, экономистами-практиками, международными экономическими агентствами. В самом простом виде главный совет экономистов-институционалистов развивающимся странам можно описать как «меняйте плохие институты на хорошие!». В более сложном варианте эти рекомендации сводятся к необходимости в борьбе с коррупцией, укреплению престижа и независимости судебной власти, усилению верховенства права, поддержке политического плюрализма, практикам «достойного правления».

Поскольку важным элементом является первоначальный институциональный выбор, то логично, что моменту этого выбора — равно как и поиску его причин — в институциональной теории уделяется много внимания. При всех отличиях в своих подходах авторы соглашаются, что выбор этот был сделан давно — как минимум несколько сотен лет назад. Консенсус обнаруживается также в том, что экстрактивные институты являются в истории нормой, в то время как переход к инклюзивным институтам оказывается чем-то исторически уникальным. Склонность к созданию инклюзивных институтов является отличительной чертой исторического Запада, а еще в более узком смысле — Великобритании. В этой части практически все теории англоцентричны.

Причины возвышения Англии (т. е. переход к инклюзивным институтам) отыскиваются не ранее позднего Средневековья. Обычно указываются такие события, как «Черная смерть» (XIV в.)⁵, Война Алой и Белой розы (XV в.), Гражданская война (XVII в.), Славная революция (XVII в.); постепенный переход к парламентскому правлению (XVIII в.) и начало

⁵ Аджемоглу и Робинсон начинают свою историю становления Англии именно с «Черной смерти».

Промышленной революции (XIX в.) представляются логичным следствием запущенного ранее процесса. Зарождение и «выживание» политического плюрализма, уважение к праву, независимость судов, постоянное ограничение королевской власти начиная с XVII в., рост влияния торгового класса, укрепление городов, рост мануфактур — все это оказалось предпосылками эпохального прорыва к промышленному капитализму и парламентской демократии. Если Великобритания является своего рода «идеальным типом» развития инклюзивных институтов, то другие европейские/западные страны ее копируют либо более удачно (США), либо менее удачно (Франция, Германия).

Модельным примером становится сравнение развития институтов в Англии и Испании. Считается, что обе страны, находившиеся примерно на одном уровне развития, в одно и то же время — в середине XVII в. — выбрали разные институты. Испания сделала ставку на развитие абсолютизма в ущерб влиянию кортесов и городских общин, а Англия пошла по пути ограничения королевской власти и расширения влияния парламента. В результате менее чем через столетие Испания перестала быть мировой «сверхдержавой», а еще через век оказалась отсталой европейской страной. Великобритания, напротив, стала всемогущей империей, лидером модернизации и прогресса, родиной промышленного капитализма и парламентской демократии.

Возникает логичный и справедливый вопрос: если изначальный институциональный выбор настолько важен, то когда и почему происходит выбор институтов? Единственное, что с уверенностью можно сказать: консенсуса по данному вопросу в литературе нет.

Авторы сходятся в том, что выбор институтов произошел довольно давно, еще до начала Промышленной революции в Англии. Относительно временного горизонта можно сказать, что выбор произошел не ранее XVI–XVII вв. Наиболее ранняя дата — VIII в. (возникновение феодализма в Европе), наиболее поздняя — XVII в. (Славная революция в Англии). Более важным является вопрос, какие факторы смогли запустить цепочку событий, которая в итоге привела к выбору в пользу инклюзивных институтов.

Наиболее понятным и убедительным является выбор поздних событий. Мало кто спорит, что Славная революция в Англии ознаменовала собой ослабление королевской власти и первый исторический пример становления более-менее современного парламента, в котором были довольно широко представлены интересы городских коммерческих кругов. Логично объединить Славную революцию это событие с чуть более ранней английской Гражданской войной середины XVII в., в которой сторонниками пар-

ламентаризма был нанесен серьезный удар абсолютизму. Однако этому предшествовала Реформация (XV в.); дальнейшая политическая и социальная история Европы едва ли возможна без распространения протестантизма с его протестантской этикой капитализма, при этом пуритане сыграли важную роль в английской Гражданской войне. Но и Реформации сопутствовали и эпоха великих географических открытий (XV в.) с возникновением прибыльной атлантической торговли, и расцвет западноевропейских городов, которые тесно связаны с появлением первых очагов капитализма. Важная роль отводится «Черной смерти» (XIV в.), имевшей важные демографические и социально-экономические последствия для Западной Европы. Началом англосаксонской тяги к свободам и ограничению верховной власти считается 1215 г. (XIII в.), в котором была принята «Великая хартия вольностей». До этого важными вехами называются борьба пап и королей, а также вторая папская революция при папе Григории Седьмом (XI в.), в результате которой церковная власть была объявлена выше светской; важным «неожиданным» итогом оказались защищенные права собственности [Лал 2007]. Ну и наконец, возникновение феодализма в Европе (VIII в.), который ограничивал центральную верховную власть, противопоставляется исламской традиции создания армии мамлюков, в которой военное руководство лишено политической власти и не может эффективно ограничивать монарха [Blaydes, Chaney 2013].

Концепция «случайности» и ее критика

Так в какой же момент произошел изначальный институциональный выбор, который привел в Западной Европе к движению в сторону инклюзивных институтов? В VIII в. из появления феодализма или в XVII в. после Славной революции? Повлияла ли вторая папская революция на выбор инклюзивных институтов или это разные, не связанные между собой процессы?

Многие авторы фактически уходят от ответа на этот, на мой взгляд, ключевой вопрос. Альтернативой поиску и анализу причин выбора институтов предлагается концепция случайности. Суть ее заключается в том, что у изначального выбора институтов не было рациональных причин, он результат исторической случайности. Аджемоглу и Робинсон несколько раз прямо говорят об этом. Отмечая крайнюю важность Славной революции для становления инклюзивных институтов, они заявляют, что все произошло случайно.

Тот факт, что в Славной революции 1688 г. одержали победу общественные группы, выступавшие за ограничение королевской власти и больший плюрализм политических институтов, не только не был предопределен — он просто стал результатом удачного стечения обстоятельств [Аджемоглу, Робинсон 2015: 127].

Эта мысль регулярно повторяется в их ключевой работе. Развитие обществ определяется разрешением многих конфликтов, чей исход зависит *«от исторических обстоятельств, личной роли отдельных людей и просто случайности»* [Там же: 126]. Случайность и непредсказуемость постоянно подчеркиваются. Обсуждая Славную революцию, Аджемоглу и Робинсон утверждают, что многое решил «исторический шанс».

Иными словами, ход институциональных изменений был не менее непредсказуемым, чем исход политических конфликтов. Однако в данных конкретных обстоятельствах сочетание исторического шанса и сложившейся коалиции стало решающим фактором, приведшим к возникновению плюрализма и инклюзивных институтов [Там же: 239].

По-другому этот шанс можно назвать благоприятными историческими обстоятельствами:

Причину того, что британские и американские инклюзивные институты выжили и стали со временем лишь прочнее, надо искать не только в действии благотворной обратной связи, но и в благоприятных исторических обстоятельствах [Там же: 344].

Пытаясь все же как-то объяснить случайность в истории, Аджемоглу и Робинсон создают теоретическую модель, которая призвана упорядочить проявление случайных «положительных» и «отрицательных» исходов. Эта модель предполагает примерно равные, но слегка различные стартовые условия для всех обществ. Проходя через «точки перелома» (ключевые исторические события), общества начинают немного расходиться в развитии: так проявляется «институциональный дрейф». Постепенно «мутации» накапливаются, и в каждой новой «точке перелома» дивергенция усиливается. Так проявляется институциональное различие.

Огромные различия между путями экономического развития, по которым идут разные страны, появились в результате сложной взаимосвязи между институциональным дрейфом и точками перелома [Там же: 126].

Поддержку тезиса о случайности можно найти и у других авторов. Например, Джэк Голдстоун приходил к таким же выводам.

Таким образом, развитие современного экономического роста в Британии следует считать случайным процессом — чем-то, что не было неизбежным и могло вовсе не произойти [Голдстоун 2014: 290].

Схожий подход к институциональному выбору есть и у Д. Норта.

На мой взгляд, это самое слабое место в неоинституциональной теории. Признавая изначальный выбор институтов случайным, произошедшим в результате удачного совпадения исторических обстоятельств, авторы фактически допускают, что исторический переход к инклюзивным институтам мог состояться в любой части мира (и в любое время), но случайно произошел в Западной Европе. Против концепции случайности можно выдвинуть как минимум три серьезных возражения.

Во-первых, я склонен считать, что модернизация — это *синдром*. Такая идея встречается, например, у Р. Инглхарта и К. Вельцеля [Инглхарт, Вельцель 2011]. Идея «синдрома» предполагает, что все элементы того многогранного, масштабного исторического явления, которое принято называть модернизацией, сильно взаимосвязаны. Если взять все доступные показатели развития, то связь (корреляция) между ними окажется крайне сильна. Например, современная богатая страна будет одновременно и образованной, и урбанизированной, и демократичной, а население в ней будет жить долго (и счастливо) при инклюзивных институтах. Эта связь легко проверяется эмпирически; может быть, не все, но большинство показателей развития коррелируют между собой. Исключения найти можно, но они будут только подчеркивать общее правило. Если современные общества подтверждают эту закономерность, то почему нельзя предположить, что и досовременные были цельны в своем развитии? Логично, что экономический рост шел вместе с урбанизацией, распространением образования, демографическими показателями. Понятие модернизации как синдрома противоречит идее модернизации как случайности. Если бы развитие было случайным, то мы бы увидели, что история «раздает карты» обществам в случайном порядке. Тогда бы показатели развития в разных странах были бы невзаимосвязаны между собой, а как я далее покажу, на самом деле они взаимосвязаны.

Во-вторых, существует довольно мало оснований считать, что иные общества были готовы к полномасштабной модернизации до Европы; разве что Китай мог стать таким исключением. Исторические свидетель-

ства не позволяют утверждать, что какие-либо общества кроме западноевропейских к середине XV в. были способны совершить прорыв. Притом что Европа в XVI–XVIII вв. во многих отношениях не обгоняла Китай [Голдстоун 2014; Morris 2013], ни в каком другом краю света не наблюдалось схожих процессов, которые привели бы потом эти страны к выбору инклюзивных институтов.

В-третьих, концепция «случайности» слишком много уделяет внимания элитам. Иными словами, выбор инклюзивных институтов и переход европейской модернизации в фазу индустриализации объясняется случайным исходом внутрианглийских политических разборок XVII в. Другой пример — вторая папская революция, т. е. эпизод борьбы пап и королей [Лал 2007]. Отмечу также тонкость семантического слоя в Европе: при невысоком уровне грамотности, сложности коммуникаций рождение и обмен новыми прогрессивными идеями оставались делом крайне узкого круга лиц. Концентрация внимания на элитах не позволяет внимательно посмотреть на уровень структур и увидеть *микросоования* модернизации, т. е. причин, которые бы охватывали *все* общество.

Критика концепции случайности приводит к простой мысли: выбор в пользу инклюзивных институтов *не случаен*. Во многом он носит закономерный характер, для объяснения этого выбора я предлагаю подход, который называю *структурным*. Он во многом созвучен работам экономиста А. Гэлора [Ashraf, Galor 2011; Galor 2011, 2012] и социолога К. Вельцеля [Welzel 2013, 2014, 2016]. Первый автор делает упор на роль демографических изменений в преддверии экономического роста, второй подчеркивает значение определенных географических факторов в объяснении европейской модернизации.

Объясняя развитие: структурный подход

Представляя предлагаемый структурный подход, я буду следовать следующей логике. Базовой предпосылкой является предположение о том, что у любого важного исторического процесса, в том числе модернизации и выбора в пользу инклюзивных институтов, есть свои экологические и демографические причины. Ядром концепции является *демография*, поэтому вначале я опишу, на какие демографические показатели опираюсь и как их можно интерпретировать. Далее я сконцентрируюсь на эффектах демографических изменений, которые можно вписать в процесс модернизации европейских обществ. Наконец, я попытаюсь порассуждать о географических

и экологических причинах демографических сдвигов в странах Западной Европы и свести все данные особенности в одну логичную модель.

Демография

В работе рассматриваются стандартные и понятные демографические показатели: рождаемость, детская смертность, доля городского населения, плотность населения; кроме того, я добавляю доход как контрольный показатель⁶. Ниже идет описание этих показателей (см. Рис. 1).

Рождаемость (fertility) — показатель, который отражает среднее количество рожденных живыми детей для женщин детородного возраста. Досовременные общества характеризовались высокими показателями рождаемости; по оценке за 1800 г., в Европе этот показатель варьировался от 4,04 в Дании до 6,03 в Греции⁷.

Детская смертность — показатель, который отражает количество умерших в возрасте до 5 лет на 1000 детей. Досовременные общества отличались чрезвычайно высокой детской смертностью, основной причиной которой были инфекционные болезни, плохие санитарные условия, отсутствие эффективной медицинской помощи (включая прививки), недоедание. По оценке за 1800 г., в Европе этот показатель варьировался от 322 в Бельгии до 458 в Литве⁸.

⁶ В данной работе я использую исторические оценки многих показателей. Известно, что современная статистика в смысле сбора статистических сведений появилась в начале XIX в. в странах Западной Европы. Именно с этого периода доступны достоверные данные по доходу, населению, смертности, рождаемости и т. п., но и то не по всем странам. Однако в последние годы множество исследователей проделали большую работу по реконструкции *оценок* этих важных для ученых показателей. Как пишет Ян Моррис [Morris 2013] в своей книге «Измерение цивилизации», вопрос не в том, насколько наши оценки близки к истинным параметрам, а в том, насколько они от них далеки. Имеющийся на данный момент задел многих исследователей позволяет утверждать, что таковые оценки не слишком далеки от истинных значений. Кроме того, разные показатели привлекают разное внимание. Например, по оценке численности населения есть четыре источника [McEvedy, Jones 1978; таблицы Мэддисона; Population Statistics; Garminder], по урбанизации — три [Chandler 1987; Modelski 2003; Urbanization Hub]; по рождаемости и детской смертности — один [Garminder]. Все ссылки на источники см. в Приложении.

⁷ Для сравнения: сейчас для названных стран эти показатели 1,73 и 1,42 соответственно.

⁸ Для сравнения: сейчас для названных стран эти показатели 3,4 и 3,8 соответственно.

Высокая рождаемость и высокая детская смертность сильно связаны. При таком уровне детской смертности (а к 15 годам она была еще выше) досовременные общества для своего воспроизводства должны были всячески стремиться поддерживать высокую рождаемость. Если учитывать другие факторы смертности — войны, эпидемии, голод, — то высокая рождаемость была фактически средством воспроизводства (но не роста) населения. Демографы считают, что барьер в 1 млрд человек был преодолен только в начале XIX в. Снижение детской смертности в XX в. позволило уменьшить уровень рождаемости.

Плотность населения — показатель, который отражает густонаселенность страны. Высчитывается как отношение населения страны к ее площади. Многие экономисты [Ashraf, Galor 2011; Cook 2014b] считают, что в мальтузианскую эпоху плотность населения является косвенным индикатором дохода на душу населения. При низкой производительности труда любые изменения в технологии ведут к краткосрочному росту дохода и долгосрочному росту населения. Рост доходов на душу населения стал опережать рост населения только с началом промышленной революции, что позволило европейским странам первыми вырваться из мальтузианской ловушки. Соответственно, более высокая плотность населения является альтернативным показателем развитости досовременного общества. По историческим оценкам, в 1500 г. в Европе плотность населения варьировалась от 0,29 чел./км² в Финляндии до 41,67 чел./км² в Бельгии⁹.

Городское население — показатель, отражающий долю городского населения в обществе. Традиционно движение к капитализму в Европе связывается с развитием городов. Помимо прочих факторов высокую долю городского населения можно увязать с высокой продуктивностью сельского хозяйства страны: развитие технологий и логистики практически не позволяло импортировать продовольствие, так что города должны были кормиться за счет близлежащей округи. По историческим оценкам, в 1500 г. в Европе доля городского населения варьировалась от 1,5% в Украине до 29% в Бельгии¹⁰.

Доход — показатель, отражающий благосостояние общества, он измеряется в долларах на душу населения. Данные в основном берутся из

⁹ Расчеты автора. Данные по населению и размеру территории: [McEvedy, Jones 1978].

¹⁰ По данным Urbanization Hub. — <http://www.cgeh.nl/urbanisation-hub-clio-infra-database-urban-settlement-sizes-1500-2000> (дата доступа – 07.01.2017)

таблиц Мэдисона¹¹. По историческим оценкам, в 1500 г. в Европе самый высокий доход был в Италии (1100 долл.), а самый низкий — в Греции (433 долл.).

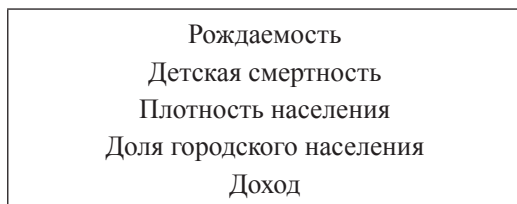

Рис. 1. Ключевые демографические показатели

Демографические эффекты и модернизация

Я выделяю три ключевых эффекта, которые связывают демографические процессы с модернизацией (см. Рис. 2).

Первый эффект — это появление особого, нетипичного для других регионов мира варианта семьи. В литературе такое явление получило название «европейская модель брака» (*European Marriage Pattern*) [Hajnal 1965]. Отличительные черты этого явления — сравнительно позднее вступление в брак, высокая доля жителей, никогда не вступавших в брак, раннее появление браков по согласию, относительно равный статус обоих супругов в браке. В Западной Европе стала нормой неолокальная, а не патрилокальная модель семьи. Молодые люди рано покидали родительские семьи и уходили на заработки с целью накопить денег, чтобы создать семью. Только после достижения финансовой устойчивости и самостоятельности молодые люди вступали в брак и переезжали в свое, а не родительское жилище [Welzel 2016]. Конечно, при таком подходе довольно высок риск не накопить достаточно денег и остаться без семьи. Однако подобная модель семейных отношений с точки зрения модернизации обладает как минимум двумя положительными эффектами. Во-первых, она откладывает начало деторождения, что снижает рождаемость. Неолокальное проживание способно со временем подтачивать авторитет патриархальной структуры и способствовать росту автономии новой семьи от старших поколений; это один из потенциальных источников европейского

¹¹ См. Приложение.

индивидуализма¹². Во-вторых, она стимулирует рост сбережений. Кроме того, будущие супруги вступают в брак, уже обладая устойчивой позицией на рынке труда, что делает их финансовое благополучие еще более устойчивым.

Второй эффект — рост инвестиций в человеческий капитал — следует из брачной стратегии, меняя отношение к детям. Более низкая рождаемость в сочетании с более низкой детской смертностью меняет отношение к детям. Когда уменьшается вероятность ребенка умереть в детстве, ценность его жизни для родителей становится выше. Это своего рода переход от r-стратегии к K-стратегии с переносом акцента с количества детей на их качество. Происходит индивидуализация сознания, переоценка ребенка как личности. Однако самое главное — это стремление родителей инвестировать в будущее своих детей. Если родители осознают, что их дети выживут, то начинают вкладываться в их образование. Не случайно, что появление массового школьного образования происходило именно в Западной Европе — в тех странах, где наблюдалась самая низкая детская смертность. Даже при незначительном снижении детской смертности происходит рост инвестиций в человеческий капитал [Galor 2011; Welzel 2016].

Третий эффект связан с улучшением стандартов жизни в западноевропейских обществах. Хотя рост денежных доходов станет заметен с началом Промышленной революции, увеличение плотности населения и доли городского населения свидетельствует о высоком экономическом потенциале. Рост плотности населения сам по себе едва ли говорит о возможности прорыва в современность (например, Китай и Индия), но именно вместе с высокой долей городского населения может создаваться база для роста производительности труда при развитии торгового и промышленного капитализма. Улучшение стандартов жизни в наиболее развитых европейских обществах можно отследить по оценкам среднего роста жителей многих стран [Baten, Blum 2012; Коерке, Baten 2005, 2008]¹³. Высокая доля городского населения может свидетельствовать о нескольких соци-

¹² В послевоенной советской истории можно вспомнить, как появление отдельных квартир в крупных городах породило феномен «разговоров на кухнях», которые едва ли были возможны в коммунальных квартирах или бараках.

¹³ Наибольший вклад в систематическое изучение связи среднего роста и развития внесли исследователи из Университета Тюбингена. — <http://www.uni-tuebingen.de/fakultaeten/wirtschafts-und-sozialwissenschaftliche-fakultaet/faecher/wirtschaftswissenschaft/lehrstuehle/volkswirtschaftslehre/wirtschaftsgeschichte/datahub-height.html> (дата доступа 02.12.2016).

ально-экономических процессах в обществе. Во-первых, о развитости торговли, предпринимательства и ремесел, которые, как правило, сосредоточены в городах. Во-вторых, об отсутствии преднамеренной политики центральной власти сдерживать рост городов (либо неспособности проводить такую политику). Иными словами, чем выше доля городского населения, тем выше уровень развития общества. Об улучшении стандартов жизни может свидетельствовать рост доли хорошо питавшихся людей. В свою очередь, качественное питание может оказывать положительное влияние на формирование европейской модели семьи (демографический переход) и на инвестиции в человеческий капитал. Последнее немаловажно: улучшение в питании положительно влияет на развитие когнитивных способностей ребенка [Farah, Shera, Savage et al. 2006; Heckman 2006]. Важным результатом изменения стандартов жизни стало появление широкого слоя городских, образованных, обеспеченных слоев общества, которые станут в дальнейшем социальной основой модернизации.

В своей совокупности эти эффекты указывают на структурные изменения в обществах. Новая модель семьи характеризуется поздними браками, низкой рождаемостью и низкой детской смертностью. Дети стали более ценными, увеличиваются вложения в образование. Квалификация трудовых ресурсов повышается, рост городов и городской экономики создает спрос на квалифицированную рабочую силу. Увеличивается потенциал для увеличения производительности труда. Расширение грамотности и образования создает питательную среду для рынка идей, критического знания и новых технологий. Происходит рост сбережений, улучшение стандартов жизни. Увеличение доходов отражается в улучшении питания и высоком среднем росте. Иным свидетельством улучшения жизни является увеличение плотности населения, который парадоксальным, на первый взгляд, образом сочетается с относительно низкой рождаемостью. Европейские семьи рожали меньше детей, но выживало их больше — только этим и можно объяснить высокую плотность населения. На мой взгляд, это является еще одним аргументом в пользу уникальности европейских обществ, которые стали ставить во главу угла не количество, а качество населения. К началу модернизации мы наблюдаем рост городских, обеспеченных, образованных и хорошо питавшихся слоев общества в ряде ключевых стран. Часто эти слои были связаны с перспективной коммерческой и промышленной деятельностью. Можно назвать эти слои протосредним классом, который оказался заинтересован в дальнейших масштабных экономических и политических преобразованиях. Есть свидетельства того, что европейские общества были более динамичны

с точки зрения социальной мобильности. Например, экономист Эрик Джонс указывает, что в Китае в позднеманьчжурский период было всего 7,7 млн человек из 400 млн населения вне производительного сектора, в то время как во Франции, Германии и Англии вне крестьянского сословия насчитывалось уже порядка 6 млн человек из населения 40 млн к концу XIV в. [Jones 2003: 4]. Важнейшие причины европейской модернизации заключаются именно в демографических процессах, которые подготовили европейские общества к выходу из «мальтузианской ловушки» и переходу к индустриальному обществу.

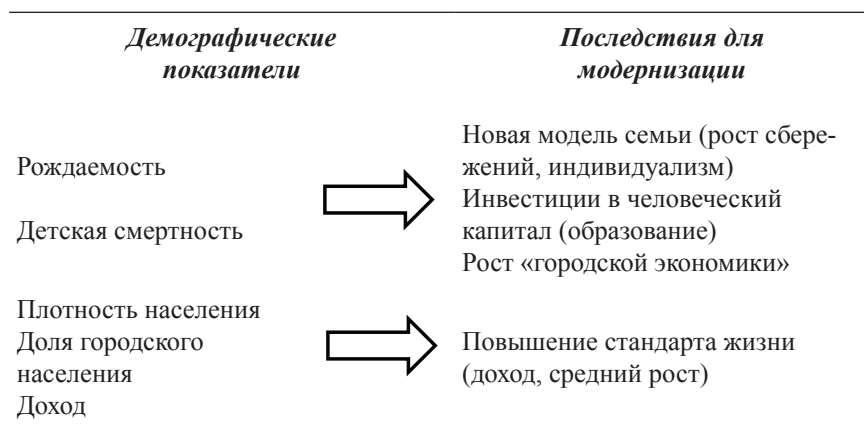

Рис. 2. Демографические показатели и их эффекты

Поиск объяснений масштабных сдвигов

Как объяснить эти масштабные сдвиги в европейских обществах? Бесспорно, в какой-то мере данные изменения являются результатом различных политических решений, равно как и итогом случайных исторических обстоятельств. Однако я намеренно опущу эти объяснения и сконцентрируюсь на иных аргументах. Считаю, что судьбоносные демографические сдвиги во многом являются продуктом внешних по отношению к элитам обстоятельств. Действия политических, экономических, культурных и интеллектуальных элит, конечно, важны, но едва ли они формировали демографические тренды.

Я склонен объяснять демографические отличия европейских обществ структурными факторами, к которым в первую очередь отношу совокуп-

ность географических, климатических и экологических особенностей. Социальная структура, социальные отношения, в том числе и демографические процессы, в обществах несут на себе отпечаток адаптации этих обществ к географическим, климатическим и экологическим нишам. Эти ниши могут оказаться как более удачными, так и менее удачными для развития. Человеческие популяции адаптируются к любым климатическим условиям, но далеко не все условия показывают примеры развитых сообществ с городами, государственными образованиями, прогрессом в области технологий и искусств. Самые первые государства были созданы в довольно жарких климатических зонах: Месопотамия, Египет, Китай, Индия, Италия, Греция, Центральная Америка, однако с XVI в. центр развития переместился в более умеренные широты — Западная Европа и Северная Америка. Возможно, это отчасти связано с экологическими проблемами вследствие экстенсивного земледелия. Многие центры ранних цивилизаций сейчас выглядят как пустынные местности [Радкау 2014]¹⁴.

Как климат и география могут оказывать влияние на социальные структуры? Я выделяю несколько факторов, связанных с сельским хозяйством. Подавляющее большинство населения в доиндустриальных обще-

¹⁴ Радкау пишет о Месопотамии: «Бросается в глаза, что именно первые земледельческие районы во внутренних областях Передней Азии сегодня наиболее пустыньны. Напрашивается подозрение, что земледелие, истощив почвы, уничтожило и себя самое. В этом случае речь идет о районах, которые и сами по себе экологически хрупки и подвержены угрозе остепнения и опустынивания» [Радкау 2014: 95]. В другом месте: «В отличие от Древнего Египта, претендующего войти в учебные планы по экологической истории в качестве идеальной модели, Месопотамия, напротив, могла бы служить примером предостережения. Начинается это уже с древнейшей высокой культуры — шумерской: в популярных версиях истории окружающей среды шумеры нередко выступают в роли первых экологических самоубийц и служат подходящим вступлением к пессимистической версии экологической истории как разрушения природы человеком. Затерянные в пустыне величественные руины Ура и Урука с момента их открытия наводили на мысль, что здесь погибла не только культура, но и окружавшая ее среда. Вопрос только в том, вызван ли упадок природы упадком культуры или же сама культура погубила окружающий ее мир. До XX века казалось ясным, что к наступлению пустыни привел упадок оросительных систем и что новые ирригационные программы вновь превратят Междуречье в Эдемский сад. Лишь после того как иракское государство проверило эту версию на деле, стали понятны истинные масштабы засоления <...>. Тогда усилилось подозрение, что именно тысячелетнее орошение могло послужить причиной превращения этой земли в пустыню, точнее — длительное орошение без пара и залежи, без необходимого дренирования и в сочетании с вырубкой лесов» [Там же: 132–133].

ствах было экономически и политически связано с сельским хозяйством. Возникавшие общественные отношения несли в себе существенный отпечаток местных особенностей аграрной экономики.

Во-первых, это *специализация сельского хозяйства*. От климата и географии будет зависеть тип почв, их плодородие и урожайность, богатство флоры и фауны. Вместе с географической «случайностью» — разнообразием флоры и фауны — это будет влиять на выбор возделываемых культур. В свою очередь, эти культуры станут сильно влиять на характер социальных отношений в сельском хозяйстве. Приведем несколько примеров. Рис — самый калорийный злак из расчета калорий с квадратного гектара, он главный кандидат для повышения плотности населения. Выращивание риса требует нескольких специфических условий: коллективного труда (как минимум при высадке рассады), ирригационных и гидротехнических работ для обеспечения полива, сильной политической центральной власти для организации этих работ и для защиты ирригационных сооружений от разрушения в результате набегов кочевников. С социально-политической точки зрения общество, специализирующееся на выращивании риса, будет характеризоваться склонностью к коллективизму [Talhelm et al. 2014] и деспотизму [Wittfogel 1957]. Другой пример — сахарный тростник. Если почвы и климат благоприятствуют возделыванию сахарного тростника, то крайне вероятно появление экстенсивного товарного земледелия, основанного на принудительном труде. Другими словами, возделывание сахарного тростника способствует появлению плантаций, рабовладения, крайнего неравенства во всех сферах жизни [Fairbrother 2013]. Выращивание пшеницы, напротив, не требует создания множества ирригационных сооружений и может проходить как в форме крупных товарных хозяйств, так и в форме индивидуальных семейных ферм. Эта культура в гораздо большей степени способствует распространению индивидуализма и личной автономии. Европейским обществам повезло с отсутствием «коллективных» культур и преобладанием «индивидуалистических».

Появление и продолжительный успех восточных деспотий, которые основывались на принудительном труде, с экономической точки зрения объясняется их крайне высокой урожайностью: 1 к 10. Такая отдача оправдывала содержание бюрократии, армии и ирригационные работы. Древние античные общества имели меньшую отдачу — 1 к 4, но все равно достаточную, чтобы рабовладение было оправдано с экономической точки зрения. Отметим, что в таких системах урожайность во многом зависит от разлива рек, а не от производительности работника, что не требовало от последнего особой креативности и производительности. Однако в За-

падной Европе отдача была еще меньше — 1 к 2, что делало принудительный рабский труд экономически непривлекательным; с другой стороны, ведение сельского хозяйства в таких условиях требовало от крестьян изрядной доли изобретательности [Crotty 2001: 34]¹⁵. Неудивительно, что мы наблюдаем немало важных изобретений в сельском хозяйстве в Средние века [Мокир 2014]¹⁶.

Во-вторых, это *характер земледелия с точки зрения доступа к воде*. Условно говоря, можно выделить два основных типа — ирригационное и орошаемое/дождевое¹⁷. Принципиальное различие между ними не только физическое — отсутствие или наличие ирригационных каналов и гидротехнических сооружений, которые обеспечивают доступ крестьян к воде, но и во многом социальное. Свободный доступ к воде является важным экзистенциальным началом индивидуальной автономии. Независимость крестьянина от поставок воды, санкционируемых центральной властью, есть важная основа его личной и политической независимости. Кроме того, наличие судоходных водных (в идеале — морских) путей способствует выходу независимого крестьянина на рынок для продажи излишков своей продукции.

¹⁵ Очевидно, речь идет о древних примитивных аграрных технологиях. Относительно друг друга разницу в урожайности можно представить как 1:3:9 (Ближний Восток, Древний Рим, Западная Европа) [Crotty 2001: 34].

¹⁶ Подробное описание технологических улучшений в Средние века см.: [Мокир 2014, гл. 3].

¹⁷ Классический аргумент о роли ирригации в становлении автократии (деспотизма) можно найти у К. Витфогеля [Wittfogel 1957]. Он описывает восточные общества как «гидравлические общества», где легитимность власти рождается через создание и управление гидравлических систем и устройств: ирригационные проекты, каналы, дамбы и т. д. С одной стороны, гидравлические сооружения резко увеличивают снабжение водой и, следовательно, урожайность. С другой стороны, они создают спрос на принудительный труд. Кроме того, высокая урожайность позволяет создавать излишки продукции для содержания бюрократии и репрессивного аппарата; при этом вклад каждого работника в создание продукции минимален, ведь урожайность рассматривается как результат разлива рек, а не упорного труда и креативности. Таким образом, легитимность государства зависит от его способности создавать ирригационные проекты и управлять ими. Эта точка зрения потом была подвергнута определенной критике. Более точные данные показывали, что основная часть ирригационных проектов реализовывались на региональном, а то и местном уровне, и роль центрального государства была не столь значимой [см., например: Голдстоун 2014; Радкау 2014]. Однако из-за того, что эти проекты были технологически довольно сложными, они становились уязвимыми при набегах кочевников. Роль центрального государства оказывалась высокой в защите этих сооружений от внешних врагов.

Немецкий социолог К. Вельцель показывает в своих недавних работах, насколько важен может быть для социального, экономического, политического и культурного развития обществ доступ к водным ресурсам. Он разработал «индекс прохладной воды» (*Cool water index*), который сводит вместе три компонента: а) относительно низкую среднегодовую температуру; б) продолжительные всесезонные осадки; в) наличие водных путей, доступных для постоянной навигации [Welzel 2013, 2016]. Индекс варьируется от 0 (наименьшая водная автономия) до 1 (максимальная водная автономия). Чем выше индекс, тем выше водная автономия обществ. Самые высокие показатели этого индекса в Европе наблюдаются в основном у обществ Северо-Западной Европы: Бельгия (0,87), Нидерланды (0,86), Люксембург (0,86), Великобритания (0,85), Дания (0,85), Словения (0,85), Ирландия (0,84), Германия (0,83), Франция (0,82), Венгрия (0,81) [Welzel 2013]. На Юге Европы с доступом к воде сложнее: Италия (0,64), Испания (0,56), Греция (0,56), Португалия (0,48). Вельцель утверждает, что именно водная автономия (*Cool water condition*) есть необходимое условие для модернизации: именно она ассоциируется с базовой автономией личности и общества, на которой потом могут произрасти иные автономии¹⁸. Во-вторых, уникальный баланс земледелия и животноводства, похоже, имел позитивный эффект на демографические процессы. Европейцы могли потреблять молоко и молочные продукты, получив тем самым преимущество в питании. Доступность молочных продуктов могла способствовать снижению детской смертности и последующему снижению рождаемости. Ряд исследований показывает, что биологический стандарт жизни, измеряемый через средний рост человека, был выше там, где имелся высокий уровень потребления молочных продуктов [Baten, Blum 2012; Коепке, Baten 2005, 2008]. Данный тренд наиболее явен именно в Северо-Западной Европе, которая во многом стала родиной капитализма, протестантизма и перехода к инклюзивным институтам. Все эти географические условия находят отражение в определенных демографических процессах, которые далее повлияли на успешность модернизации в Европе.

В-третьих, это *распространенность инфекционных заболеваний*, которые были одной из основных причин смертности в доиндустриальную эпоху. Ряд исследований показывают, что патогенная нагрузка несет свой отпечаток на общественные отношения [Murray, Schaller 2010; Murray, Schaller, Suedfeld 2013; Thornhill, Fincher, Aran 2009; Gelfand et al. 2011].

¹⁸ Более подробно об индексе прохладной воды см.: [Welzel 2013, Ch. 11].

Высокий исторический уровень инфекционных заболеваний связан с укorenением в обществе установок на коллективизм и враждебное отношение к Другим: все чужаки подсознательно воспринимаются как источник заразы, а единственным способом борьбы с эпидемией является тот или иной вариант карантина, т. е. ограничения прав и свобод во имя общего блага и спасения. Самые высокие показатели инфекционной нагрузки наблюдаются в жарких, тропических странах. По сравнению с другими регионами Западная Европа имеет относительно благоприятную эпидемиологическую историю.

Еще одна отличительная черта европейских обществ — крайне высокий по мировым меркам уровень толерантности к лактозе, т. е. способности усваивать молоко после младенчества. Переносимость молока — генетическая особенность человека, исследователи заявляют, что эта способность сильно варьируется по различным популяциям. Если в общемировом масштабе примерно только треть населения может усваивать молоко, то в Европе данный показатель — не менее двух третей. В отдельных странах — всех скандинавских, Англии, Ирландии, Голландии, Бельгии, Северной Германии — он равен почти 100% [Ingram et al. 2009; Itan et al. 2010; Gerbault et al. 2009, 2011]. Основное объяснение этой европейской «аномалии» — эволюционная мутация, связанная с дефицитом солнечного света в Северо-Западной Европе и вызванным ею недостатком витамина D. Способность усваивать молоко и получать из него необходимый кальций (витамин D) стала ответом местных популяций на этот вызов. Процесс подобной эволюции занял несколько тысяч лет. Молоко — важный источник белка, витаминов, минералов; можно трактовать его как бесспорное преимущество в питании европейских обществ. Учитывая, что исторической нормой во всех обществах было недоедание, рацион питания оказывался скудным, однообразным, с явным преобладанием углеводов в ущерб белкам и жирам (в основном злаковые), наличие молока и молочных продуктов стоит признать важным фактором для понимания демографических процессов [Cook 2014a, 2014b; Shcherbak 2015; Reilly 2013]. Отметим, что удивительным образом частота переносимости лактозы коррелирует практически со всеми показателями модернизации по европейским странам: ВВП на душу населения, плотность населения, детская смертность, рождаемость¹⁹. Кроме того, «молочные» общества

¹⁹ Современные показатели (выборка 66 стран Старого света, 2013 г.) HDI 2013 — $r=0,522$ ($p<0,000$), Freedom House 2013 — $r=-0,575$ ($p<0,000$), ВВП на душу населения (ППС, current international dollars) — $r=0,468$ ($p<0,000$). Исторические по-

(т. е. с самой высокой долей переносимости) либо ранее всех отменили крепостное право, либо никогда его не имели (Скандинавия, Нидерланды, Англия). С этой точки зрения, адаптация европейских обществ к географическим условиям выразилась и в генетической адаптации, которая, в свою очередь, имела определенные социальные эффекты.

Помимо прямого преимущества — способности получать необходимый белок, употребляя молоко и молочные продукты, — европейские общества получили ряд косвенных выгод. Например, европейское сельское хозяйство отличалось гораздо большей сбалансированностью земледелия и животноводства. Европейцы держали больше крупного скота как ради производства молока, так и ради навоза для удобрений. Содержание крупного скота требует сохранения больших площадей под пастбища, луга, лес. Это была одна из причин, почему европейцы сумели сохранить больше лесов (например, по сравнению с Китаем), не вырубив их под пашни. Наличие лесных резервов оказалось крайне важным фактором ранней индустриализации. Резкое увеличение выпуска промышленной продукции требует резкого роста потребления энергии. Переход от традиционного источника топлива — дров и древесного угля — на каменный уголь занимает довольно много времени; сначала ему предшествует резкий рост потребления дерева (древесный уголь). При отсутствии лесных резервов индустриализация сталкивается с естественным энергетическим ограничением. Иными словами, именно способность усваивать лактозу косвенным образом приближала приход промышленного капитализма.

В целом можно отметить, что ареалом проживания европейцев оказалась крайне удачная экологическая ниша. Адаптация европейских обществ к жизни в таких географических и климатических условиях не особо поощряла установление долгосрочных деспотий (например, через ирригационное земледелие и рисоводство, плантаторские хозяйства) и укоренение коллективистских ценностей (относительно невысокая историческая патогенная нагрузка). В то же время особенности адаптации к данной экологической нише выражались в появлении преимущества в питании (высокая толерантность к лактозе), относительно свободном доступе к водным ре-

казатели (предполагается, что частоты генов меняются с такой низкой скоростью, что за несколько веков ее можно использовать как константу): 1) доход в 1000 г.: $r = -0,508$ ($p = 0,010$, $N = 25$); в 1820 г.: $r = 0,724$ ($p = 0,000$, $N = 39$); 2) плотность населения в 1500 г.: $r = 0,310$ ($p = 0,006$, $N = 78$); в 1820 г.: $r = 0,378$ ($p = 0,003$, $N = 58$); 3) рождаемость в 1800 г.: $r = -0,542$ ($p = 0,000$, $N = 76$); 4) детская смертность в 1800 г.: $r = -0,453$ ($p = 0,000$, $N = 78$). Источник: [Shcherbak 2015].

сурсам, который не приводил к резкому повышению роли государства в обеспечении функционирования сельского хозяйства (как в Китае).

В итоге получается довольно эффективная и уникальная система сельского хозяйства, которая имеет следующие последствия для социального развития европейских обществ. Во-первых, эта система оказалась высокопродуктивной, способствовала увеличению плотности населения и росту городского населения. Учитывая, что рост городского населения во многом зависит от способности сельского хозяйства прокормить горожан²⁰, стоит признать, что это важное преимущество. Итоговая модель представлена на Рис 3, где суммируются географические причины, демографические процессы и их последствия.

<i>География, климат, экология</i>	<i>Структурные условия</i>	<i>Демографические показатели</i>	<i>Последствия для модернизации</i>
Обилие водных ресурсов	Специализация сельского хозяйства	Рождаемость	Новая модель семьи (рост сбережений, индивидуализм)
Инфекционная нагрузка	Тип земледелия в зависимости от доступа к воде	Детская смертность	
Наличие экологических резервов		Плотность населения	Автономия личности
	Баланс земледелия и животноводства	Доля городского населения	Инвестиции в человеческий капитал (образование)
Толерантность к лактозе		Доход	Рост городской экономики Повышение стандарта жизни (доход, средний рост)

Рис. 3. Структурные условия и модернизация

Хочу сразу отметить, что речь не идет о географическом детерминизме как таковом. Предложенные мной объяснения не отменяют, а, скорее, дополняют те концепции, которые связаны с расколами элит, появлением

²⁰ Конечно, не только это. Например, Баррингтон Мур [Мур 2016] пишет о политике центральной власти в отношении городов, в Китае правительство стремилось ограничивать рост городов. Кроме того, важным препятствием роста городов являются санитарно-гигиенические условия.

новых идей или даже случайных факторов. Мой аргумент будет заключаться в том, что совместный эффект географии и социальных факторов может обладать гораздо большей объяснительной силой, чем просто эти факторы по отдельности. Кроме того, данный эффект проявился не сразу. В мои задачи не входит определять, что могло стать «спусковым крючком» для ускорения развития, поскольку это отдельная тема для большого исследования.

В следующей части я обращусь к модельному примеру сравнения траектории развития Англии и Испании и попытаюсь по-новому взглянуть на причины изначального институционального выбора в этих странах, опираясь на описанные выше структурные факторы.

Сравнение предпосылок развития Англии и Испании в раннее Новое время

Я собрал доступные мне показатели развития Англии и Испании, начиная с 1600 г. (таблицы 1 и 2). Многие авторы указывают именно на XVII в. как момент судьбоносного институционального выбора данных стран. Именно в этот период Англия начала двигаться к построению инклюзивного общества, основанного на инклюзивных институтах, а Испания совершила свой роковой выбор в пользу экстрактивных. Собранные данные свидетельствуют о том, что практически все показатели модернизации в Англии были лучше, чем в Испании, еще до институционального выбора.

Первая часть таблиц включает показатели дохода на душу населения, плотности населения, рождаемости на 1000 человек, детской смертности до пяти лет на 1000 детей, долю городского населения, средний рост населения, уровень грамотности, а также производство печатных книг. Доступность данных не позволяет собирать их для всех желаемых периодов, тем не менее по всем показателям есть данные до наступления Промышленной революции (т. е. до 1820 г.).

Из выбранных восьми показателей Англия опережает Испанию по семи. Уже в 1600 г. в Англии был более высокий доход, чем в Испании (974 долл. vs. 853 долл.), более высокая плотность населения (26,826 vs. 16,48 чел./км²). Уровень рождаемости в Англии в 1800 г. (до начала Промышленной революции) был ниже, чем в Испании (4,97 vs. 5,13 на одну женщину), равно как и уровень детской смертности до пяти лет (329,04 vs. 450 на 1000 детей). Биологический уровень жизни оказывался также выше: средний рост в Англии в 1740 г. был выше, чем в Испании

(169,5 см vs. 163,3 см); значит, англичане лучше питались. Кроме того, англичане были более образованны: к 1650 г. доля грамотных в Англии составляла 53%, а в Испании — только 5%. Эти данные соотносятся с количеством напечатанных книг: за 1600–1650 гг. в Англии было напечатано на 1000 человек 80 книг, а в Испании — только 8,8; для сравнения — за 1650–1700 гг. в Англии — 191,8, а в Испании — всего 14,3. По большинству показателей доступны временные ряды, которые показывают, что в XVII–XVIII вв. динамика развития в Англии была выше. Только по одному показателю Англия уступает Испании — доле городского населения. В 1650 г. в Англии жило в городах 15,6%, а в Испании — 25%. Однако эта доля в Англии станет расти и к 1750 г. достигнет уже 23,6% (к 1800 г. — 24,4%) , а в Испании она будет даже падать: к 1750 г. снизится до 23,4% (к 1800 г. — 23,5%).

Таблица 1. Показатели развития Англии в 1600–1820 гг.

Англия								
	По- сто- янно	1600	1650	1700	1740	1750	1800	1820
<i>Доход на душу населения, USD</i>		974		1250				1706
<i>Плотность населения, чел./ км²</i>		26,8		37,2				
<i>фертильность, на 1000 чел.</i>							4,97	
<i>Детская смертность до пяти лет, на 1000 чел.</i>							329	
<i>Урбанизация, % населения</i>			15,6	14,5		23,6	24,4	
<i>Средний рост, см</i>					169,5	169,8		169
<i>Уровень грамотности, % населения</i>			53			54		53
<i>Производство печатных книг, ежегодно на 1000 чел.</i>		80	191,8	168,3		192		
<i>Индекс прохладной воды (Cool water Index)</i>	0,91							
<i>Толерантность к лактозе, % населения</i>	0,931							
<i>Индекс исторической патогенной нагрузки</i>	0,76							

Источники: см. Приложение.

При более консервативном подходе, т. е. при анализе только индикаторов за 1600 и 1650 гг., все равно мы наблюдаем перевес Англии над Испанией: она превосходит Испанию по плотности населения, грамотности, книгопечатанию, доходу, уступая лишь по доле городского населения. В связи с этим моя интерпретация данных по среднему росту, рождаемости и детской смертности заключается в том, что их экстраполяция на более ранний период будет не сильно отличаться от поздних оценок.

Таблица 2. Показатели развития Испании в 1600–1820 гг.

Испания								
	По- сто- янно	1600	1650	1700	1740	1750	1800	1820
<i>Доход на душу населения, USD</i>		853		853				1008
<i>Плотность населения, км²</i>		16,5		17,5				
<i>Фертильность, на 1000 чел.</i>							5,13	
<i>Детская смертность до пяти лет, на 1000 чел.</i>							450,6	
<i>Урбанизация, % населения</i>			25	20,3		24,3	23,5	
<i>Средний рост, см</i>					163,3	163,6		
<i>Уровень грамотности, % населения</i>			5			8		20
<i>Производство печатных книг, ежегодно на 1000 чел.</i>		8,8	14,3	18,5		28,3		
<i>Индекс прохладной воды (Cool water Index)</i>	0,56							
<i>Толерантность к лактозе, % населения</i>	0,676							
<i>Индекс исторической патогенной нагрузки</i>	0,46							

Источники: см. Приложение.

Приведенные данные служат как минимум косвенным подтверждением тезиса о том, что модернизация — это синдром. Если страна модернизируется, то мы можем наблюдать позитивные, связанные между собой

изменения во многих важных сферах общественной жизни. Этот краткий анализ показал, что к моменту изначального институционального выбора в XVII в. Англия опережала Испанию по всем направлениям развития (даже динамика урбанизации была позитивной, в то время как в Испании — негативной). Англичане к XVII в. были выше, богаче, грамотнее, больше читали, тянулись в города; испанцы — наоборот. *Так почему же выбор институтов в Англии мы продолжаем считать случайным?* Я считаю, что выбор в пользу инклюзивных институтов в Англии не был случайностью, он стал закономерным результатом более благоприятных условий развития.

Как различались экологические ниши в Англии и Испании? Собранные данные свидетельствуют, что географические условия в Англии были более благоприятными. Судя по значению индекса прохладной воды, уровень водной автономии оказывался выше в Англии: 0,91 vs. 0,56. Историческая патогенная нагрузка была также ниже в Англии: 0,76 vs. 0,46. И толерантность к лактозе — выше в Англии: 93% vs. 67%. Разница в этих условиях внесла свой вклад в различные траектории развития сельского хозяйства, создаваемые на его базе социальные структуры, повлияла на демографические процессы и их экономические и политические последствия. Вся совокупность этих условий в Англии способствовала расширению автономии и становлению индивидуализма. Географические условия в Англии были благоприятны тем, что создавали меньше стимулов ограничения человеческой автономии. Их косвенный результат — низкая рождаемость и низкая детская смертность, высокая плотность населения, рост урбанизации, последовавшее за этим распространение образования и, наконец, рост доходов. Инклюзивным институтам нужны особые стартовые условия, они не могут появиться и укорениться без благоприятной среды или только в результате внутриэлитной политической борьбы.

Заключение

Как показал сравнительный анализ, пути Англии и Испании стали расходиться еще до институционального выбора. К моменту расхождения Англия развивалась динамичнее, она уже была близка к модернизации. Поэтому утверждение о том, что институциональный выбор происходит случайно, под воздействием удачного стечения обстоятельств, мне кажется неверным. Общественные структуры в этих странах развивались в разных условиях, и мой аргумент состоит в том, что для понимания всей

полноты воздействовавших факторов необходимо учитывать и географические условия. Я исхожу из того, что адаптация обществ к экологическим нишам несет свой отпечаток на социальных структурах. Экологические факторы в конечном счете сильно влияют на то, какую роль и как долго будет играть принудительный, коллективный труд (например, ирригация, выращивание риса или сахарного тростника), насколько власть имеет возможность контролировать доступ к ресурсам для выживания (водные ресурсы), в какой степени производительно сельское хозяйство (включая баланс земледелия и животноводства, способность усваивать молочные продукты). Все это будет существенно для развития человеческой автономии и индивидуализма, которые столь важны в европейской модернизации. Я считаю, что адаптация к этим условиям в дальнейшем повлияла на демографические процессы (рост плотности населения и городов, снижение детской смертности и рождаемости) и связанное с ними накопление как экономического (рост сбережений), так и человеческого капиталов (распространение образования).

Исходя из этих соображений, я предлагаю новый взгляд на неоинституциональную теорию. Не отрицая важности институтов, не подвергая сомнению эффект «обусловленности пути», я готов оспорить положение, что институты — это причина развития. На мой взгляд, *институты — это следствие развития*. Инклюзивные институты появляются в уже развитых обществах, и выбор в пользу данных институтов *не случаен*. Такой взгляд на развитие иногда встречается в литературе [Райнерт 2011; Welzel 2014], хотя и не является популярным²¹. Еще раз повторюсь: сводить объяснения траекторий модернизации к географическим факторам было бы довольно примитивным географическим детерминизмом, от которого я далек. Речь идет о совместном (или интерактивном) эффекте структурных и социальных факторов. Наследие римского права, городское магдебургское право, феодализм, внутриэлитная политическая борьба — все эти факторы стали решающими для институционального выбора при наличии определенных благоприятных структурных условий. Иными словами, Славная революция не оказалась бы столь славной, если бы не прои-

²¹ Экономист Эрик Райнерт утверждает, что институты вторичны по отношению к способу производства. Например, только развитие промышленного капитализма будет создавать спрос на права собственности. Кристиан Вельцель создал модель «лестницы развития» (*utility ladder of freedoms*). Согласно этой модели, «условия существования» (*existential conditions*) определяют «культурные установки» (*cultural orientations*), которые и влияют на строительство институтов (*institutional formats*).

зошла в обществе с уже образованными, богатыми, живущими в городах, высокими жителями.

У представленного подхода, безусловно, есть свои ограничения. Во-первых, в данном исследовании я фокусировался лишь на европейских странах — прежде всего меня интересовало сравнение Англии и Испании. Более перспективными представляются выход за пределы Европы и сравнение (тоже «модельное») Англии и Китая. Во-вторых, я не отвечаю на вопрос, когда и почему структурные факторы стали проявлять себя столь стремительно. Почему география не сыграла такую роль, скажем, на 500 лет ранее? Был ли этот переход внезапным или речь идет о медленном, многовековом накоплении преимуществ и перехода количества в качество? Можем ли мы говорить о наборе «триггеров», которые «активировали» позитивный эффект названных факторов? Ответы на поставленные здесь вопросы имеют крайне важное значение, но это тема для других исследований.

Литература

Аджемоглу Д., Робинсон Д. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ, 2015.

Аузан А. Изменения как колея: Александр Аузан об экономических болезнях России // Теория и практика. 06.12.2013. <http://theoryandpractice.ru/posts/8171-auzan> (дата доступа 02.12.2016).

Аузан А. «Феномен QWERTY». Экономист Александр Аузан о том, как культура делает одни страны прогрессивными, а другие — стагнирующими // Лента.ру, 24.04.2015. <https://lenta.ru/articles/2015/04/24/auzanculture/> (дата доступа 02.12.2016).

Голдстоун Д. Почему Европа? Возвышение Запада в мировой истории. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014.

Заостровцев А. Дипак Лал: модернизация без вестернизации. Препринт М-28/12. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. https://eu.spb.ru/images/centres/M-center/preprint_Zaostrovcev_2012.pdf (дата доступа 02.12.2016).

Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011.

Коллинз Р. Макроистория. Очерки истории большой длительности. М.: URSS, 2015.

Лал Д. Непреднамеренные последствия. Влияние обеспеченности факторами производства, культуры и политики на долгосрочные экономические результаты. М.: ИРИСЭН, 2007.

Мокир Дж. Рычаги богатства. Технологическая креативность и экономический прогресс. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014.

Мур Б. Социальные истоки диктатуры и демократии. Роль помещика и крестьянина в создании современного мира. М.: Издательский дом ВШЭ, 2016.

Радкау Й. Природа и власть. Всемирная история окружающей среды. М.: Издательский дом ВШЭ, 2014.

Райнерт Э. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. М.: Издательский дом ВШЭ, 2011.

Хедлунд С. Невидимые руки, опыт России и общественная наука. Способы объяснения системного провала. М.: Издательский дом ВШЭ, 2015.

Ashraf Q., Galor O. Dynamics and stagnation in the Malthusian epoch // *The American Economic Review*. 2011. Vol. 101. N 5. P. 2003–2041.

Baten J., Blum M. Growing tall but unequal: new findings and new background evidence on anthropometric welfare in 156 countries, 1810–1989 // *Economic History of Developing Regions*. 2012. Vol. 27. N 1. P. 66–85.

Blaydes L., Chaney E. The feudal revolution and Europe's rise: Political divergence of the Christian West and the Muslim world before 1500 CE // *American Political Science Review*. 2013. Vol. 107. N 1. P. 16–34.

Cook J. The Role of Lactase Persistence in Precolonial Development // *Journal of Economic Growth*. 2014a. Vol. 19. P. 369–406.

Cook J. Potatoes, Milk and the Old World Population Boom // *Journal of Development Economics*. 2014b. Vol. 110. P. 123–138.

Crotty R. When histories collide: The development and impact of individualistic capitalism. Oxford: AltaMira Press, 2001.

Fairbrother M. The Political Economy of Religiosity: Development and Inequality Reconsidered. Working Paper. 2013. <http://seis.bris.ac.uk/~ggmhf/research.html> (дата доступа 02.12.2016).

Farah M. J., Shera D. M., Savage J. H., et al. Childhood poverty: Specific associations with neurocognitive development // *Brain Research*. 2006. N 1110 (1). P. 166–174.

Galor O. Unified growth theory. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2011.

Galor O. The demographic transition: causes and consequences // *Cliometrica*. 2012. Vol. 6. N 1. P. 1–28.

Gelfand M. et al. Differences Between Tight and Loose Cultures // *Science*. 2011. N 27. P. 1100–1104.

Gerbault P. et al. Impact of Selection and Demography on the Diffusion of Lactase Persistence // PLoS One. 2009. N 4 (7).

Gerbault P. et al. Evolution of lactase persistence: an example of human niche construction // Philosophical Transactions of the Royal Society B Biological Sciences. 2011. N 366. P. 863–877.

Hajnal J. European marriage pattern in historical perspective // Population in History / eds. D. V. Glass and D. E. C. Eversley. L.: Arnold. 1965. P. 101–143.

Heckman J. Skill formation and the economics of investing in disadvantaged children // Science. 2006. N 312 (5782). P. 1900–1902.

Ingram et al. Lactose digestion and the evolutionary genetics of lactase persistence // Human Genetics. 2009. Vol. 124. P. 579–591.

Itan et al. A worldwide correlation of lactase persistence phenotype and genotypes // BMC Evolutionary Biology. 2010. Vol. 10 (36). P. 36–46.

Jones E. The European Miracle. Environments, Economies and Geopolitics in the History of Europe and Asia. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

Koepke N., Baten J. The biological standard of living in Europe during the last two millennia // European Review of Economic History. 2005. Vol. 9. N 1. P. 61–95.

Koepke N., Baten J. Agricultural specialization and height in ancient and medieval Europe // Explorations in Economic History. 2008. Vol. 45. N 2. P. 127–146.

Morris I. The Measure of Civilization: How Social Development Decides the Fate of Nations. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2013.

Murray D., Schaller M. Historical Prevalence of Infectious Diseases within 230 Geopolitical Regions: a Tool for Investigating Origins of Culture // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2010. Vol. 41. N 1. P. 99–108.

Murray D. R., Schaller M., Suedfeld P. Pathogens and politics: Further evidence that parasite prevalence predicts authoritarianism // PloS One. 2013. Vol. 8. N 5. P. e62275.

North D. Institutions and economic growth: An historical introduction // World Development. 1989. Vol. 17. N 9. P. 1319–1332.

Reilly B. Revisiting Consanguineous Marriage in the Greater Middle East: Milk, Blood, and Bedouins // American Anthropologist. 2013. N 115 (3). P. 374–387.

Shcherbak A. Does Milk Matter? Genetic Adaptation to Environment: The Effect of Lactase Persistence on Cultural Change // Genetic Adaptation to Environment: The Effect of Lactase Persistence on Cultural Change (July 24, 2015). Higher School of Economics Research Paper No. WP BRP. 2015.

Talhelm T. et al. Large-Scale Psychological Differences Within China Explained by Rice Versus Wheat Agriculture // Science. 2014. N 344 (6184). P. 603–608.

Thornhill R., Fincher C. L., Aran D. Parasites, democratization, and the liberalization of values across contemporary countries // *Biological Reviews*. 2009. Vol. 84. N 1. P. 113–131.

Welzel C. Freedom rising. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.

Welzel C. Evolution, empowerment, and emancipation: How societies climb the freedom ladder // *World Development*. 2014. Vol. 64. P. 33–51.

Welzel C. The Cool Water Effect. Civilization's Turn into Human Empowerment. Unpublished manuscript. 2016.

Wittfogel K. Oriental despotism: A study of total power. New Haven and London: Yale University Press, 1957.

Источники данных

Население

McEvedy C., Jones R. Atlas of world population history. Harmondsworth, Penguin Books Ltd, 1978.

The Maddison tables — <http://www.ggd.net/maddison/oriindex.htm> (дата доступа 02.12.2016).

Population Statistics: historical demography of all countries, their divisions and towns — <http://www.populstat.info/> (дата доступа 02.12.2016).

Gapminder: ‘*population, total*’ — <http://www.gapminder.org/data/> (дата доступа 02.12.2016).

Доля городского населения

Urbanisation Hub — The Clio-infra database on urban settlement sizes: 1500–2000 — <http://www.cgeh.nl/urbanisation-hub-clio-infra-database-urban-settlement-sizes-1500-2000> (дата доступа 02.12.2016).

Chandler T. Four Thousand Years of Urban Growth. An Historic Census. Lewston, NY. Edwin Mellen Press, 1987.

Modelski G. World Cities: 3000 to 2000. Washington, DC: Faros 2000, 2003.

Рождаемость

Gapminder: ‘*Children per woman (total fertility)*’ — <http://www.gapminder.org/data/> (дата доступа 02.12.2016).

Детская смертность

Gapminder: ‘*Under-five mortality rate*’ — <http://www.gapminder.org/data/> (дата доступа 02.12.2016).

Средний рост

Data hub “Heights and Biological Standard of Living” — <http://www.uni-tuebingen.de/fakultaeten/wirtschafts-und-sozialwissenschaftliche-fakultaet/faecher/wirtschaftswissenschaft/lehrstuehle/volkswirtschaftslehre/wirtschaftsgeschichte/data-hub-height.html> (дата доступа 02.12.2016).

Грамотность

Our World in Data, 'Literacy' — <https://ourworldindata.org/literacy/> (дата доступа 02.12.2016).

Книгопечатание

Buringh E., Van Zanden J. L. Charting the “Rise of the West”: Manuscripts and Printed Books in Europe, a long-term Perspective from the Sixth through Eighteenth Centuries // *The Journal of Economic History*. 2009. Vol. 69. N 2. P. 409–445.

Андрей Щербак

**Как происходит изначальный выбор институтов?
Критика концепции «случайности развития»
и структурный подход**

Препринт М-54/17

В авторской редакции

Корректор — Д. Капитонов

Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге
191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 3А
books@eu.spb.ru

Подписано в печать 13.01.17
Формат 60x88 1/16. Тираж 50 экз.

**Центр исследований модернизации
Европейского университета в Санкт-Петербурге**

Книги, подготовленные сотрудниками М-Центра:

Травин Д., Маргания О. **ЕВРОПЕЙСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ**,
в 2 кн. М.; СПб.: АСТ, Terra Fantastica, 2004.

Маргания О.Л., ред., **СССР ПОСЛЕ РАСПАДА**.
СПб.: «Экономическая школа» ГУ ВШЭ, 2007.

Добронравин Н., Маргания О., ред., **НЕФТЬ, ГАЗ, МОДЕРНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА**.
СПб.: «Экономическая школа» ГУ ВШЭ, 2008.

Gel'man V., Marganiya O., eds, **RESOURCE CURSE AND POST-SOVIET EURASIA:
OIL, GAS, AND MODERNIZATION**. Lanham, MD: Lexington Books, 2010.

Травин Д. **ОЧЕРКИ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ РОССИИ. КНИГА ПЕРВАЯ: 1985–1999**.
СПб.: Норма, 2010.

Гельман В., Маргания О., ред.,
ПУТИ МОДЕРНИЗАЦИИ: ТРАЕКТОРИИ, РАЗВИЛКИ, ТУПИКИ.
СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011.

Травин Д., Маргания О.
МОДЕРНИЗАЦИЯ: ОТ ЕЛИЗАВЕТЫ ТЮДОР ДО ЕГОРА ГАЙДАРА.
М.; СПб.: АСТ, Terra Fantastica, 2011.

Гельман В. **ИЗ ОГНЯ ДА В ПОЛЫМЯ. РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИКА ПОСЛЕ СССР**.
СПб.: БХВ-Петербург, 2013.

Добронравин Н. **МОДЕРНИЗАЦИЯ НА ОБОЧИНЕ: ВЫЖИВАНИЕ И РАЗВИТИЕ
НЕПРИЗНАННЫХ ГОСУДАРСТВ В XX — НАЧАЛЕ XXI ВЕКА**. СПб.: Издательство Европейского
университета в Санкт-Петербурге, 2013.

Стародубцев А. **ПЛАТИТЬ НЕЛЬЗЯ ПРОИГРЫВАТЬ: РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И
ФЕДЕРАЛИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**. СПб.: Издательство Европейского университета
в Санкт-Петербурге, 2014.

Заостровцев А. **О РАЗВИТИИ И ОТСТАЛОСТИ: КАК ЭКОНОМИСТЫ ОБЪЯСНЯЮТ ИСТОРИЮ**.
СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2014.

Gel'man V., Travin D. & Marganiya O. **REEXAMINING ECONOMIC AND POLITICAL REFORMS
IN RUSSIA, 1985–2000: GENERATIONS, IDEAS, AND CHANGES**.
Lanham, MD: Lexington Books, 2014.

Gel'man V. **AUTHORITARIAN RUSSIA: ANALYZING POST-SOVIET REGIME CHANGES**.
Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2015.

Травин Д. **КРУТЫЕ ГОРКИ XXI ВЕКА: ПОСТМОДЕРНИЗАЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ РОССИИ**.
СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015.

Президент М-Центра — кандидат экономических наук **О.Л. Маргания**
Научный руководитель М-Центра — кандидат экономических наук **Д.Я. Травин**
Исполнительный директор — кандидат политических наук **В.Я. Гельман**